

Вита ПШЕНИЧНАЯ

Родилась в 1969 году во Владивостоке. Окончила Псковское культурно-просветительское училище и исторический факультет Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова. Работает в областной библиотеке для детей и юношества им. В.А. Каверина.

Автор нескольких поэтических сборников и одной книги прозы. Печаталась в журналах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Север», «День и ночь», «Волга – XXI век», в газетах «Литературная Россия», «День литературы» и других российских и зарубежных изданиях.

Лауреат и финалист ряда международных литературных конкурсов (Германия, Австрия, Польша). Дипломант Международного литературного фестиваля «Золотой Витязь» (2020). Координатор Международного фестиваля исторической поэзии «Словенское поле».

Член Союза писателей России. Живёт в Пскове.

НА ЖИЗНИ ЕСТЬ СВОЯ, ОСОБАЯ ПЕЧАТЬ...

* * *

Димке

Некуда спешить, некуда – ни туда, ни сюда,
Годы – что? – то капают, то текут, как вода.
Не устроен быт, и никто дома у окна не ждёт,
Тишина по ночам, словно тать, сны крадёт.
Значит, самое время всё вокруг поменять –
Пойти воевать.

Там, за ленточкой, неважно – русский ли, татарин, чуваш –
По-любому – свой, родной, наш.

Там, за ленточкой, всё понятно: вот – друг, вот – враг,
Левый фланг, правый фланг да России флаг –
Вон как развевается на ветру...

«Господи, неужели я тут умру?»

И алой гвоздикой в гриву рассвета будет вдето
Это моё сорок восьмое лето?..

Неужели уже в июне, под Херсоном, в бою
Встречу смерть свою?..»

Тишина...Резко вздрогнув, покачнулась ель...
«Господи, неужель?..»

.....

Говорят: да, он погиб как герой,
Говорят: да, он был за ребят – горой,
Там же вам не здесь.

Но молчит погодка-сестра, и молчит мать,
Не понимая, как в сердце принять
Горькую весть.

Отпоёт кукушка, яблонька бело-розовым отцветёт,
Принесут пчёлы самый полезный мёд,
Трижды отлетит Спас.

Под колокольчиковый детский смех
Мы будем ждать бабье лето, дождь, первый снег. . .
Словно в первый раз.

И глядя на снимки – боже, сколько им лет! –
Вспоминать тех, кого больше нет.
Кто припал к прядке румяного рассвета
Две тысячи двадцать четвёртого лета.
Вспоминать и слушать, как нашёптывает
Всем павшим воинам, вторя ветру, лес:
– Царство небес!..

* * *

*Девочке, сыгравшей Лауру
в спектакле «Голубая роза»*

Я расскажу тебе про Единорога,
Вернее, про маленького Единорожку,
Он и места-то занимает совсем немного,
Вполне помещаясь в детскую ладошку.

Он просыпается рано, хотя мог бы и позже,
Глазами ангела смотрит на тебя, спящую -
На твоё лицо, на рыжие волосы, на белую кожу...
Уповая и любуясь на всю тебя – настоящую.

И промчится день, улыбаясь вчерашнему, будто давнишнему,
Растворяясь к полуночи в яркой звездной крошке...
Прошепчи: «спаси-Бо», Мария-Лаура, и Ему – Вышнему,
И, конечно же, – маленькому Единорожке.

Чуть растреплет Ветер солнечные твои прядки,
Поцелует нежно бледные твои запястья...
Да нашепчет на много лет вперед Святки*
Тебе – на Счастье.

* * *

Я стерегу твой сон, мой маленький внучок,
Смотрю, как одуван плывёт по небу пухом,
Как сеть свою плетёт трудяга-паучок...
И становлюсь сама и зрением, и слухом.

На жизни есть своя, особая печать,
Её ты отличишь из множества отметин,
Но часто не понять – то ль плакать, то ль молчать
О том, что одинок, что грешен, слаб и смертен.

У августа глаза – колодезная глубь,
В нём горе горевать, наверное, некстати.
И ветер невзначай смахнёт слезинку с губ,
Покуда сладко спит мой маленький Создатель.

* * *

Отшумело, отшаманило грозой в окна,
Ошарашенно озираются в парке клёны да тополя.
Кажется, вся Вселенная насквозь промокла,
И бредёт, шлёпая по лужам, девчонка-Земля.
Улыбаясь, наклоняет голову то в одну сторону,
То в другую... Каплями-веснушками дразня,
И невдомёк двадцать первому веку-ворону,
Что она чем-то похожа на маленькую меня.
Это я улыбаюсь, это я неуклюже падаю,
Засмотревшись то на растрепанную траву, то на ясную высь,
Это я день уходящий закату сватаю,
С именем жизни, потому что я и есть жизнь.

.....

А теперь мне молчать, про себя повторять заученно:
«Слава Богу за всё – и того, и сего поровну,
Вон, как небо опять заволочло тучами...»

И глаза опускать.
И отходить.
В сторону.

На Тихом озере

Прими, как Божью благодать
И этот лист, к ногам упавший,
И озера стальную гладь,
И день, мгновеньем чьим-то ставший.

Чтоб, жизнь ничуть не торопя,
На мелкую распавшись крошку,
Звезда упала бы в ладошку,
Благословляя и любя.

2 ноября

Опять дожди заморосили,
И помрачнели небеса –
Моей земли, моей России
Невыразимая краса
Поблекла, выдохлась, опала,
Была ли? Да – была, была!
И средь октябрьского бала
Я помню, как она цвела!

Какие яркие обновы
Она бросала в ноги нам!
Просился в руки лист кленовый,
Рябина ластилась к губам...
А нынче – сумрачно и тихо,
Что ночь – мрачна, что день – не в масть,
И бродит по проулкам Лихо,
И сердцем не к кому припасть.

.....

Опять ветра заголосили...
Но чем тревожней, тем светлей,
Мне думается о России,
О тихой Родине моей.

* * *

Памяти папы

За полночь. Крадутся тени, тени
вдоль упавшей в темноту стены,
чередой неведомых растений,
суею неведомой страны.
Время смыслов, я тебя отныне
и приемлю, и благодарю,
всё живое или спит, иль стынет,
ожидая первую зарю.
Над землёй парит простор небесный –
всепрощающ, строг и молчалив.
И старик, узрев в нём смерти бездну,
так спокоен, так несуетлив
остаётся

до конца, до срока,
что уже вот-вот над ним пробьёт,
и из недр эфирного потока
солнце ошалевшее взойдёт.
И лучины яркие раскинет,
щекоча, задоря и смешая...
И под ними в Безмятежность сгинет,
на свободу вырвавшись, душа.